

ЮНОШЕСКИЕ СТИХИ
(1977 - 1981)

На постели, сплетённой.....	3
Старуха (Ей снилось, что снег...)	3
Скрипач (Теперь прошлое лишь...)	3
Посвящение Боратынскому (По моему лицу топчется...)	3
В меня нападало листьев.....	4
Река Быгель (Мне в голову посадили голубя...)	4
Ну, - разумеется, разумеется.....	4
С улицы слышатся шлёпающие голоса женщин... ..	4
Дни больны хлебом.....	5
Плоскодонка, гружёная сиреневым булыжником... ..	5
Взглядом, облако за облаком.....	5
Духовой оркестр, память моих прошлых рождений.....	5
Пойду, войду.....	5
Не болтай во мне ногами... ..	6
Отрывок (...И когда – ну, я так подумал...)	6
Когда я лопнул в мелкие трещины... ..	6
Весна (Тлеющие ситцевые птицы...)	6
Уже сжигают осенние листья. Я поселился... ..	7
Всю ночь на улице позвякивала цепью собака... ..	7
Ушли (Сидя на плетне из искривлённых гадюк река дышит...)	7
Горе. Элегантное, как рояль.....	8
Спи-спи, усни... ..	8
Луна-то.....	8
Дни ещё довольно тёплые.....	8
Шёл по улице.....	9
Осень (К ночи надломится тихо за горлом...)	9
Безногий у окна (Ночь – мой немой фильм...)	9

На постели,
сплетённой из летних стеблей
в жестяном умывальнике дня,
сплю – и голуби спят в губах у меня.

Старуха

«...и младенца в утробе носящи, яко чудный бисер»
Житие Сергия Радонежского

Ей снилось, что снег
завалил
её с ног
до головы.

И понесла она в утробе младенца,
как жемчуг.

И родился мальчик
из воска и мёда, с бронзовыми зрачками.
И начала она его нянчить.

И не заметила,
что уже умерла прошлым вечером.

Скрипач

Теперь
прошлое лишь
лист
на одной из моих ветвей.

Сейчас –
я пугающая печаль.
От меня, как круги по воде, разбежался, качаясь, пейзаж.

И вот
я раскланиваюсь, опустив деревенеющий вертолёт.

Посвящение Боратынскому

По моему лицу топчется
невнятный свет.
Мой голос тощ.
В моих порах снег.

И как-то боком летает
и, ударяясь об асфальт и дома, звенит
прозрачная железяка
зимы.

В меня нападало листьев.
Любое вокруг равно неделе моих равномерных мыслей.

Река Быгель

Мне в голову
посадили голубя.
Он переваливается и шуршит ночью.
Он бормочет:
«Ни кола,
ни двора –
только бы ты была».

Я успел спянуть,
пока все спали.
Я пою песню бобыля:
«Ни кола,
ни двора –
только бы ты была».

Утром посмотри –
слова проросли на твоей двери:
«Не оставайся долго
среди других,
или я стану стогом
на берегу реки
Быгель».

Ну, - разумеется, разумеется.
Женщины, обступившие женщину,
торговавшую семечками,
понимающе кивали
головами
и слушали
её о её муже,
военном, от которого слова
она не слыхала плохого.

Ну, - разумеется, -
искалеченный
сентябрь идёт по асфальту
на коленях,
обшитых ватой.
У него длинные прозрачные зубы.
Жестяную осень он тащит за собой на шпагате
с соответствующим, разумеется, звуком.

С улицы слышатся
шлёпающие голоса женщин.
Окно открыто, тюль колышется.
Летний вечер.

Человек с глазами навывлет
медленно видит:
трава прорастает сквозь половицы,
сквозь потолок прорастают птицы.

Дни больны хлебом
и дверными ключами.
А ведь этого не было
в самом начале.

Дни,
поднимающиеся по лестнице.
31.
Все вместе.

Плоскодонка,
гружёная сиреневым булыжником.
Кто за вёслами? –
Не вижу.

Плоскодонка,
плывёт через ветхие волны.
Кто за вёслами? –
Не вспомнить.

Плоскодонка,
не отбрасывающая на воду тени.
Я за вёслами.
Белые гуси на юг над моей головой полетели.

Взглядом, облако за облаком
я тащу по небу волоком.

Складываю из них гору
над выбеленным городом.

И завожу, как будильник, эхо,
умеющее орать: «Уехал!»

Духовой оркестр, память моих прошлых рождений,
где я?

Кирзовые деревья

маршируют на четыре четверти такта.

Мир лежит на спине,
на лицо ему падает снег
и не тает.

Пойду, войду
в эту комнату.

Вытягивая вперёд руки,
войду в темноте в каждый угол.

И в дальнем
наткнусь на этажерку мироздания.

Не болтай во мне ногами,
память.

Отрывок

...И когда (ну, я так подумал)
сталось доживать, только доживать –
из одной книги подуло.
Окно. В щелях дождевая вода.

Когда я лопнул в мелкие трещины, -
вот тогда-то, устало
я обмотал серыми замшевыми лентами
Урала
лицо и колени.

Я шёл,
растягивая жилы гудящих, вздувшихся испарений.

Я шёл.
Над провисшей тайгой дымился, как дирижабль из камня, Бажов.

Весна

Тлеющие ситцевые птицы
попросили у
Господа за Россию.

И трава
порвала
её нищее днище.

Уже сжигают осенние листья.
Я поселился
в ветшающем доме,
на старой улице.
Комната с сундуком и
четырьмя стульями;
двор, мощёный битыми
гранитными
плитами;
бельё на верёвке, сухой тополь.
Только
время от времени
старуха
выплёскивает помои...
Снова ни звука.
Я всех оставил в покое
и меня
начинают забывать.
Постепенно
голова
наполняется дымом,
как монгольфьер.
В сумерках я проплываю
вверх,
мимо
мёртвого чердака.
Невидимые холодеющие кварталы.
Невидимая остывающая река.

Всю ночь на улице
позвякивала цепью собака.
Утром пошёл снег и окно запотело.

Я проснулся.

В свитере, одетом на голое тело,
я стоял во дворе, ел снег и плакал.

Отсыревшие голуби раскачивались на мусорных баках.

Уходят

Сидя на плетне из искривлённых гадюк река дышит
холодной подмышкой
и смотрит, как в двери
поочерёдно, один и тот же, с обломанным древком, втыкается ветер.

Люди выходят и идут
ухмыляющейся траве по животу,
среди гусей и коз.

Достоевский с голосом поперёк руки,
переваливаясь, догоняет людей и просит у них закурить.

Вот они все уже далеко.

Вот уже зимний день в общежитии и продолжает гореть
висящая сквозь меня лампа на кривом копчёном шнуре.

Горе.

Элегантное, как рояль.
Сначала я гаммы играл.
Играл самое простое.

Но я совершенствуюсь
и играю всё лучше.
А ты, моя пожизненная женщина,
эту музыку не понимаешь и не любишь.

Спи-спи, усни,
глотаящий кашляющие детские ступни,
дырявый город,
аллегория
горя.

Дырявый город,
посередине которого –
тёплый
тополь.

Дырявый город. –
Несколько ночей мне снились мысли о нём.
Холодный ливень
и плоский, сильный
ветер – прогнули моё окно.

Луна-то –
иллюминатор.

Дни ещё довольно тёплые –
не то, что ночи.
У меня в расцарапанном городе
начинается осень.

Всё ещё очень похоже
на летнее. Но, всё же –
уже похуже,
поплоще,
потемней.

И душа-то
моя дощатая
к вечеру постепенно зябнет.
В ней,
в стружках, на самом дне
лежит несколько яблок.

Шёл по улице, тёр ладонью лицо и говорил «ладно-ладно,
это же бред, бред какой-то, бред!..»

Пришёл домой, лёг на пол.
Ему в плечо свесилась лампа
на кривом шнуре.

Встал, подошёл к шкафу, открыл дверку,
на внутренней стороне которой было зеркало.
Они с зеркалом положили друг другу на плечи головы
и стояли и плакали так долго-долго.

Осень

К ночи
надломится тихо за горлом моим позвоночник.
Лицо
станет древесным листом
и ляжет
в поверхность лица твоего, оборвавшись
И память
лохмотьями грузными хлопает сыро над нами.

Безногий у окна

Ночь – мой немой фильм.
Падает снег.
Жужжит нимб
в сушилке для посуды на окне.

Идёт прохожий – я внимательно слежу за ним.
Идёт жизнь – я внимательно слежу за ней.
Жужжит нимб
в сушилке для посуды на окне.